ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

ЯФЕТИДЫ

«Визири ответили: о, эмир правоверных, ты не сможешь снести этого дворца, а если ты его разрушишь, то славы тебе от этого не будет, ибо разрушать труднее, чем создавать»

(Ф. А. Розенберг, Хосрой I Анушир-ван и Карл Великий в легенде, стр. 2).

1

«Разрушать труднее, чем создавать»—это лишь частичное отражение правды. К непокрытой правде будем ближе, если скажем: «разрушать не только трудно, но нет никаких сил». Это чувствовал величайший архитектор, легендой обращенный в сына плотника, когда он, творец одной из мировых религий, наиболее философски продуманной и наиболее этически построенной, говорил: «разрушьте сей храм, и я построю его в три дня». Это вызывало недоумение и даже насмешки в окружавшей его среде, но факт тот, что старое так и не было разрушено: старая языческая религия культурного Средиземноморья, также мировая, нашла свое целостное органическое продолжение в нем, этом новом учении: оно лишь претворило ее, преобразившись в нее, но разрушить не могло.

Успешно идет лишь разрушение видимостей, но существо, природа, сила вещей нерушима. Но даже в мире видимостей разрушать труднее, чем строить. Всякое теоретическое учение есть, конечно, видимость, безразлично, касается ли оно явлений природы или общественности.

Бесспорные положения теории, научные истины—это видимости, плоды восприятия человеческим умозрением, под определенным углом зрения, неподлежащих сомнению фактов в закономерной связанности. Новые факты, раньше не наблюденные, и вызываемая ими потребность в новом угле зрения, т. е. условия, объективно необходимые для возникновения всякого вновь зарождающегося теоретического учения, создают почву для плодотворной работы и открывают далекие перспективы полного успеха в новом строительстве, но, чтобы строить по новому, надо располагать и субъективными условиями, общественным мышлением, вытекающими из материально сложившейся жизни; и здесь на страже против новшества стоят людское настроение и интересы общества, сжившегося с воздвигнутым в великолепие дворца восприятием фактов, хотя бы объективно потерявших прежнее исключительное для науки значение, и такой старый дворец разрушать, конечно, гораздо труднее, чем строить свободно новый. И если так обстоит дело с видимостями—теоретическими учениями об явлениях природы, особенно общественности,—то бесконечно труднее разрушить самую реальность, особенно же столь реальное явление, как человеческая речь,—это создание общественности еще

в бо́льшей степени, чем религия. В частности, не было никаких сил разрушить и уничтожить речь древнейшего населения культурного мира, какой она была еще до возникновения греков и римлян на севере и даже египтян и семитов на юге и востоке того моря, которое соединяло Европу с Африкой и, врываясь Черным морем в Азию, имеет дальнейшие с нею связи озерами, именуемыми морями Каспийским и Аральским. А это древнейшее население составляли яфетиды, речь его была яфетическая, целый ряд яфетических языков.

Кто такие яфетиды? Это племя в составе многочисленных народов, по основным названиям, не менее семи. Игнорируя его, нельзя сделать ни шагу далее в вопросе о составе и происхождении первоначального населения Средиземноморья и Древнего востока, т. е. всего Древнего мира. Без учета не только культурного, но и этнического наследия яфетидов нет материальной возможности реально разъяснить и сложную культуру древних исторических народов Средиземноморья и их племенной состав, также очень сложный. С тем же племенем начинает связываться органически проблема о происхождении человечества, поскольку человеческий род определяется как собрание существ, «одаренных» не только разумом, но и речью. Эта одаренность людей, казалось бы, изначальная и природная, есть плод затраты громадных естественных (неосознанно) и культурных сил на пути создания общественности, орудием которой и явилась впоследствии произносимая и слышимая, т. е. звуковая речь.

Чем выявляется такая ответственная роль яфетидов? Лингвистикой, учением об яфетических языках.

Откуда и почему появилось общее наименование племени яфетидами, а их языков—яфетическими?

Это наследие первой ступени развития яфетического языкознания, когда оно было основано исключительно на признании родства раньше никак не определявшейся группы языков, расположенной на Кавказе, с языками семитическими.

В 1908 г. вышли «Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими»[1]. В таблицах раскрыта вся природа морфологии грузинской речи особенно, дотоле казалось, неразъяснимого строя грузинских глаголов и их спряжения, которым посвящена большая часть труда (Табл. VIII—XX). На десяти страницах основного текста предисловия кратко сообщены решающие характерные черты, общие у грузинского языка с семитическими;—в числе их образование слов с помощью префиксов, своеобразное распределение гласных, как элементов, служащих для образования форм, а согласных, как корней; — трехсогласность корней, сродство самих звуков и т. п. Там же приводились примеры. В одном из них—образчики звуковых и иных семитическо-яфетических соотношений в словах. Труд в целом—результат двадцатилетней работы, еще тогда дававшей возможность опираться в положениях, на которых покоятся основные таблицы, на сравнительную грамматику языков яфетических с семитическими. Столь длительная предшествовавшая работа ушла на филологическую разработку грузинского и—лишь культурно-исторически связывавшегося с ним—армянского языков, единственных дошедших до нас богато и в письменном виде кавказских языков из круга яфетических, или изначально соприкасавшихся с яфетическими. С этой работой связано создание особой армяно-грузинской филологии, возникшей

[1]) В изданиях факультета Восточных языков Петербургского Университета.

на общности культурных основ двух ныне разрушенных цивилизаций, армянской и грузинской, на создание которых оказывали свое влияние в области письменной речи, литературы, искусства и, вообще, исторической общественности культуры других мировых государств. Естественно, что в то время для сравнения с семитическими языками приходилось пользоваться почти исключительно языком грузинским, и это в подборе предложенных образчиков дало недостаточно точное распределение материалов; материалы разъяснялись как грузинские, тогда как они грузинским языком были усвоены из тех или иных родственных с ним языков. Но факты оставались тем не менее фактами, и за немногими исключениями они поныне не теряют значения в установлении того положения, что яфетические языки родственны с семитическими.

Раз родство грузинского и родственных с ним языков с семитическими было установлено, а с семитическими языками приводились в родство хамитические, не оставалось другого выхода, как назвать вновь определявшуюся группу языков, расположенную на Кавказе, по имени третьего оставшегося брата—Яфета. Это можно было сделать тем легче, что лингвистически такое общее название ни к чему не обязывает. В такой, совершенно условный, термин можно вносить все то значение, которое определится успехами исследований, в зависимости от них, и совершенно менять его смысл. Это уже произошло. Обрисовавшееся в начале братское родство яфетических языков с семитическими и хамитическими, дававшее право их общий праязык именовать—также условно—иоэтическим, с первых же шагов оказалось под сомнением: выяснилось, что хамитические языки отстоят значительно дальше от семитических, чем эти последние—от яфетических.

Но и в отношении яфетическо-семитического родства, остающегося незыблемым, применение определения «братское» все более и более теряло почву по мере развития учения об яфетидах.

II

Яфетическое языкознание ныне переживает в себе, в своем внутреннем развитии пятую и, как будто для него уже, последнюю ступень развития. На первой ступени, когда все исследовательское внимание сосредоточивалось на взаимоотношениях яфетических языков с семитическими, правильному восприятию задач яфетического языкознания мешали два обстоятельства: с одной стороны, царившее научное положение, что круг кавказских языков, связанных узами взаимного родства (т. е. языков, новой теориею именуемых яфетическими), составляют, из живых, лишь четыре южнокавказских языка:—грузинский (в долинах верхних и средних течений Куры и Риона), мегрельский с чанским или лазским (по восточному и южному побережьям Черного Моря, именно чаны по узкой полосе от Хопэ, близко от Батума с запада, до Атины, на довольно удаленном пункте от Трапезунда с востока) и сванский (на верховьях Ингура и Цхенис-Цхала по-грузински, а по-свански—Лашха, в древности по-гречески «Хиппоса», т. е. Конской реки или Лошади-реки). Не было еще ясного представления о принадлежности в какой-либо мере, к тому же кругу даже абхазского языка. Разумеется и такой тесный круг родственных языков еще более съужался от горизонта, создававшегося в нем, благодаря господству норм одного лишь исторически культурного языка, грузинского. С другой стороны, не только обширность занимавшейся семитами площади, но и древность исторической культуры семитических народов, органически

связанных с хамитическим Египтом, и значительность роли каждого из семитических народов в создании мировых исторических культур, а также наличность у некоторых из них изначально национальных древнейших традиций относительно мироздания и доистории,—все это (да, конечно, и самая многовековая разработанность семитической филологии) невольно вовлекало исследователя в оценку до-исторических племенных отношений семитов и яфетидов опять таки с точек зрения явлений исторической культуры. Невольно приходилось рассматривать яфетидов как племя, представленное молодыми народами, а его значение определять его родством с семитами. Яфетические языки приходилось считать сохранившимися, не в пример семитическим, в обновленном виде, со многими, казалось, новшествами, отделявшими их от архетипной речи, строившейся первое время по историческим нормам лучше разработанных семитических языков, всегда письменных, по не по образу и подобию их.

Вторая ступень в развитии яфетического языкознания начинается сосредоточением изысканий в кругу самих яфетических языков. Изолированность грузинского языка в аргументации яфетическими данными стала отпадать. Усиленное привлечение других яфетических языков Кавказа, бесписьменных, вызвало переоценку значения живых и мертвых языков, к каковым относится и грузинский древнелитературный язык. Возникло учение о двух ветвях яфетической семьи языков, сибилянтной и спирантной с делением первой на две группы (свистящую и шипящую). Чрезвычайно сложные и тонкие, но прозрачные, слухом воспринимаемые соотношения бесписьменных языков содействовали выяснению факта скрещенности многих яфетических языков и возникновения их, в результате смешения. Усилился теоретический интерес к скрещенным типам, прежде всего чистых яфетических языков, первым образчиком которого явился сванский язык, метис языка шипящей группы с языком спирантной ветви.

Признаки процесса скрещения постепенно вскрылись во всех яфетических языках, но наибольший теоретический интерес представил, так называемый, «армянский язык», собственно два языка Армении: один древнелитературный, другой в древности бесписьменный, но и ныне наличный. Оба они оказались скрещенными типами исключительного значения, гибридами—яфетическо-индоевропейскими. В эту область вводят работы специального характера, под заглавием «Яфетические элементы в языках Армении» (более общего характера некоторые страницы статьи «Кавказский культурный мир и Армения»).

Но круг привлекавшихся в яфетидологическое освещение живых яфетических языков продолжал расширяться, и работа прервана в стадии вхождения ее в гущу многочисленных яфетических языков Каспийского бассейна в пределах Кавказа. Работа прервалась в 1916 году.

Третья ступень развития яфетического языкознания началась с обнародования работы «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания». Эта работа вызвала неизбежность вовлечения в яфетидологические изыскания древнейших клинописных яфетических языков—халдского в до-индоевропейской Армении, шумерского в Месопотамии и древне-эламского. Поразительное и основное приобретение этих, отнюдь не законченных, изысканий состоит в том, что хотя литература по крайней мере на одном из них, эламском, существовала задолго еще до возникновения шумерской письменности, а давность сохраненных в клинописи яфетических языков на много тысячелетий древнее возникновения всякого письма, тем не менее живые

яфетические языки Кавказа, в числе их и грузинский, представляют, как оказалось, древнейший тип яфетической речи в лучшей сохранности.

Четвертая и пятая стадии, прото-историческая и палеонтологическая, в развитии яфетического языкознания составляют текущее дело последних лет, и по ним нет еще печатной работы, в какой либо мере ориентирующей читателя в этом вопросе. Статья «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры» намечает это положение в общих чертах, но все это—в призме кавказоведа, неспособного отделить факт давнишнего скопления яфетических народов на Кавказе (явление частичное и случайное) от явления общего и, в мировом масштабе, органического, каким надо считать факт нахождения яфетидов, за пределами Кавказа и Месопотамии, на дне, в роли начальных этнических слоев и наличия в них единого племенного субстрата населения всех исторических народов, так называемого, Древнего Востока и Европы.

С четвертой стадии, начинающейся открытием яфетического языка вершикского на Памире и определением европейских яфетических языков, живого баскского на Пиренеях и мертвого этрусского на Аппенинском полуострове, яфетидология перестает быть кавказоведной наукой. Яфетидологическую науку, развившуюся, хотя и не доработанную, на этнических материалах кавказского района, приходится далее развивать в иных этно-культурных районах, в первую очередь среди двух других Кавказов: Кавказа среднеазиатского, у Гиндукуша и Памира, и крайне западного европейского Кавказа—в Пиренеях. Яфетидологическую науку, начавшую было слагаться на сочетании лингвистического изучения живых яфетических языков Кавказа с лингвистическим изучением мертвых яфетических языков Вана и Месопотамии, приходится переносить в Этрурию для изучения ее языка, также мертвого, не только сравнительно с яфетическими, но и сравнительно с ближайше соседившими индоевропейскими языками, так как гибридные типы в роде ныне хорошо известных кавказских гибридов, двух языков Армении, в той или иной степени намечаются во всех языках культурных народов Европы, в том числе в громадном большинстве у, так называемых, индоевропейских народов. У каждого из народов, оставшихся в одиночестве, не только у басков, некогда живших с иберами, этрусками - расенами (ретами) и другими яфетидами во Франции и Испании и имевших ответвления на Британских островах, но и у вершиков в средней Азии и этрусков-расенов в Италии были сородичи яфетиды, разнообразная речь которых отложилась в племенных и языковых новообразованиях соответственных районов, иранского, латинского, романского и др.

С палеонтологией возникает сомнение, можно ли относить в яфетидологию открывающиеся перспективы изысканий в области глоттогонии: процесс созидания речи и ее типологических перерождений протекал, разумеется, до выделения яфетидов в особую семью, и человеческий род в до-яфетическом состоянии требует иного наименования. Однако бесспорен факт, что яфетические языки сохранили наиболее осязуемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, в них наглядно прослеживается процесс отложения как элементов, так и целых слоев языка на начальной и примыкающих к ней древнейших ступенях его развития. В этом смысле особенно плодотворной и показательной оказалась сравнительная работа с яфетическими языками в различных плоскостях, то в плоскости сопоставления яфетических языков с семитическими, то в плоскости сопоставления одних яфетических между собою, как в пределах Кавказа, так и со включением вне-кавказских яфетических языков, среднеазиатского и пиренейского,

а также и в том и другом случае сопоставления их с метисами и гибридами различных типов.

Сравнительная работа в нескольких плоскостях вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, поскольку эта глубина освещается не последовательностью фактов одних звуковых перерождений исторической длительности в одной какой либо типически сложившейся семье языков, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений, каждый этап длительности геологического процесса, при этом рядом с фонетическими и морфологическими, вообще, чисто языковыми, перерождениями приходится учитывать соответственное естественно-историческое развитие общественности и перерождения социальных типов бытия, прослеживая их на языковых фактах, особенно в морфологии и семантике, в глубь времен, за пределы семьи в обычном родовом восприятии, через матриархат к тотемическому строю и далее. Следовательно, дело не только лишь в том, что, в порядке последовательного развития одного типа из другого, языки флективные, агглутинативные и синтетические или аморфные образуют непрерывную хронологическую цепь в пределах одной и той же семьи яфетических языков. Дело и не в том, что трехсогласный состав яфетических корней, вторящий такому же положению в семитических языках, вскрывается, как результат развития более раннего состава из двух согласных и т. п. Дело в том, что в явлениях языка закономерно отражается общественность с ее психологиею различных эпох, в том числе и древнейших. Формы множественного числа оказываются нормальным состоянием имен, так как еще не было представления об индивидуальном существовании в наличной общественности стадного периода. Лица не различались в речи даже тогда, когда уже появилась потребность различать их: одно и то же слово служило для выражения каждого из трех лиц. То же самое слово, обратившееся в личное местоимение, долго еще носило форму множественного числа, так как восприятие единой личности было все еще чуждо господствовавшей общественности. Особенно ярко наблюдается пропасть, отделяющая те доисторические времена от исторических эпох, в значимости слов или семантике. В доисторические времена существовали не только иные значения, но совершенно иные основы словотворчества и словоупотребления,— в зависимости от общественности и неразрывно связанной с ней психологии. В яфетических языках наблюдаются отложения словотворчества из эпох восприятия мира в образах космических и микрокосмических явлений, когда небо, земля и вода представлялись одним предметом, по всей видимости живым существом, существом, находившимся в трех плоскостях, верхней, земной и преисподней, а члены его тела представлялись повторением такого же космического восприятия физического строения человека. Все это давало возможность выражать мысли небольшим запасом средств звуковой речи, получавшей гражданство взамен начальной—изобразительной (или жестами или мимикой). Яфетические языки вскрывают, что «слово» первоначально воспринималось не как нечто произносимое, а как орудие взаимоосведомления; яфетическая звуковая речь сохранила такое восприятие речи, между прочим, в термине «говорить», собственно означающем «осведомляющий устами» или «лицом» (сравн. pir-utkv-i «бессловесное, животное», буквально «неумеющий осведомлять устами или лицом»). Состав первых произносимых слов, естественно скудный, определялся прежде всего вкладом тотемно-организованной племенной жизни (как бы ни понимать тотем, как религию клана, комплекс социального, психологического и обрядового элементов или еще иначе). При примитивном племенном тотемизме, когда одним

именем или эмблемой обозначалось и племя, и «священные» для него предметы, словарное обогащение звуковой речи могло наступить только при образовании отдельных кланов из различных племен на тотемных началах, путем социализации индивидуальных тотемов. С этим связана неизбежность скрещения языков, процесса, столь же необходимого в начале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выработки новых более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов.

Таким образом язык определяется как создание общественности, плод человеческого творчества, на первых порах хотя бы и бессознательно-непроизвольного, как завершение неимоверных долгих стараний и затраты громадных сил, приспосабливавших и произносительные органы в воспроизведении звуковых элементов, повторяющих элементы общественного строя и их соотношения в психологическом восприятии тех бесконечно далеких эпох. Потому не только отпадает самое основание для искания реального пра-языка в обычных филологических приемах его воссоздания, но и в действительно живом пра-языке, впоследствии сложившемся, отпадает основание для нахождения понятия «отец». Наоборот, подготовленного этнологической школой языковеда не поразит нисколько, что в яфетических языках вскрывается общность одного и того же термина для каждого самца, будет ли он муж или брат; ему будет понятен факт созидания, в сравнительно также древнюю эпоху, слов и форм по женским образцам, усвоение, например, активного значения в строе речи элементам женского рода, в связи с матриархатом. Естественен и тот факт, что в первобытной речи собственно вовсе не существовало категории глаголов, обыкновенно принимаемых за коренную или основную часть словаря: действия или состояния предметов, интересующих говорящего, выражались определенным порядком в расположении имени, выражавшего основной предмет, и обреченных стать местоимениями служебных слов, обозначавших другие предметы, связанные тем или иным отношением с действием или состоянием основного предмета. Отсюда то, кажущееся ныне излишним, скопление местоимений в спряжении и богатство глагольных форм, которое поражает начинающих изучать лучше сохранившиеся яфетические языки, например, грузинский или баскский. Само собой ясно, наконец, что при таком фактическом положении реальной истории языка, до объединения человеческих существ в общественные ячейки тотемного характера, не могло быть и одной общей речи. Само единство отдельных языковых семей есть стяжение общественности. Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и пра-язык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая наивное восприятие библейского повествования о мироздании, рассчитанного, однако, при всей сказочности формы, на более глубокое разумение.

III

Каждая из вышеуказанных пяти стадий развития яфетического языкознания имеет свои задачи, часто не только не исчерпанные, но и вовсе не тронутые действительной работой. Так, например, только намечен путь (и тот пока лишь с подходом от яфетидологических материалов) к связи славянских языков, в частности, и русского с яфетическими языками, повидимому, через скифский. Что скифы были первоначально яфетидами, это ясно видно из их названия «скиф» и национальной скифской его разно-

видности «сколот», получающих одинаково и формальное и реальное толкование на почве яфетического языкознания. Однако дело не в одних скифах-яфетидах, но и в русах-яфетидах и понах-яфетидах, из коих последние отложили свой тотем племенное название «дон» (означающее опять таки «конь», и «река») и его разновидности в названиях главных рек той же территории. Правда, названия эти разъяснены как иранизмы, но это сделано без учета их палеонтологии, равнодушие к которой ныне вытекает из уверенности специалистов по-востоковедов, предполагающих, что иранский мир сам по себе является чем-то совершенно определенным и разъясненным даже и в плоскости его генезиса. Относительно скифов-яфетидов недавно вскрылся новый материал из исторической древне-русской и древне-армянской литературы и дал, по связи яфетического Кавказа с Русью, тему для речи, произнесенной в Академии истории материальной культуры. «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (Скифское предание в яфетидологическом освещении)». Чтобы воспринять, однако, яфетидологическое освещение этого предания, требуются соответственные знания и особенный интерес к девственной еще палеонтологии русской речи, к вопросу об ее составе *в целом* и ее разноначальном происхождении. Без этого не могут притязать ни на малейшее плодотворное внимание указания яфетидолога на то, что ряд морфологических (общих или необщих с прочими славянскими языками) явлений в русском языке имеют яфетическое происхождение, что из яфетического источника происходят такие слова, как: «собака», «пес», «псица», «конь», «лошадь», «медведь», «куница», «слон», «пила», «зуб», «глаз», «рука», «книга», «печать», «баня», «мыть», «мыло», «купать», «перед», «первый», «берег», «речь», «шавель», «пахнуть», «пахать» и т. д. Здесь идет речь не о заимствованиях культурных терминов или названий экзотических предметов, к которым, допустим, можно бы отнести «печать», «книга», «баня», «слон». Дело также и не в случайных совпадениях нескольких отдельных созвучных слов, а в строго систематической выделяемости из русской речи имен (да и глаголов), тоже составляющих ряды,—каждый ряд из группы слов по особой области терминологии, как то фауны, флоры, земледельческой культуры и т. п., с палеонтологией каждого из терминов и определением их места в яфетической семье языков.

Намечен путь и к связи германских языков с яфетическими в работе проф. Брауна на немецком языке: «Первоначальное население Европы и происхождение германцев» [1]).

Все эти и другие еще частности требуют чрезвычайно сложной работы раньше, чем определить исчерпывающе физиономию яфетидов и их вклад в общечеловеческое творчество не только по языку, но и по культуре, не только в Европе, но и в Азии и Африке, где вопрос об исконной этнографической связи с египтянами требует предварительного уточнения вопроса о родстве семитов с хамитами. Поскольку этническая связь американских аборигенов с населением Старого Света все более и более упрочивается в сознании ученого мира, точки соприкосновения и исключительное сродство некоторых туземных языков Америки с языком басков также не могут не обращать на себя серьезного внимания языковедов, с общей палеонтологической точки зрения, но понятно не в строго очерчиваемых пределах подлинных яфетических языков. Впрочем и о значении яфетидов

[1]) Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen (Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens), Berlin-Stuttgart-Leipzig. Verlag von W. Kohlhammer 1922.

для Европы приходится лишь говорить, а не работать, но это лишь потому, что на Западе до сих пор не было известно ни слова об яфетической теории, и специалисты даже к таким явлениям, как двадцатиричная система исчисления в кельтском языке, подходили как к черте, определяющей будто бы исконный индоевропеизм этого европейского гибрида, т. е. кельтского языка.

В этом районе Европы об яфетидах могли бы вспомнить не раз и те, которые, исследуя народные элементы в сказании о Граале или при выяснении поэтических форм и романтизма в провансальской литературе, в поисках за их корнями обращались к письменности кавказских народов в частности грузин, или к местным на западе народным традициям. Точно также у нас, кавказоведов, не раз возникал вопрос о происхождении творения грузинского поэта Шоты из Рустава и поэтической его формы и культа женщины, не находящих себе объяснения в восточных литературах. Когда не могли быть установлены культурные пути для взаимодействия с Провансом, и стало несомненно наличие корней этих явлений в местных кавказских народных общественных условиях и поэтических преданиях, приходилось невольно мириться с тем, что в одинаковых условиях рождаются схожие явления. Но не нужно ли к одинаковости условий рядом с общностью культурно-исторических источников, влиянием мусульманских литератур (арабской, а в Грузии еще сильнее персидской) и средневекового христианства отнести и этнографическое сродство,— наличие яфетических переживаний в народных преданиях обоих давно разлученных культурных районов Запада и Востока?

Лингвистическая палеонтология при реальной постановке яфетического языкознания естественно врывается во все области исторического изучения общественной жизни, не только в литературную, но и в религиозную, правовую и т. п., отмечая в доступных ее исследованию реликтовых языковых отложениях пройденные этапы до-исторической жизни. А за яфетическими языковыми материалами поднимаются живые фигуры самих яфетидов и их до-историческая общественность. Учет переживаний такой яфетической общественности дает конкретное содержание отвлеченным положениям науки об языке; так напр. положение о гибридизации языков, об основном начале в творчестве речи и в размножении ее видов связано с неизбежной метисацией различных племен, которой в свою очередь предшествует скрещение таких общественных явлений, как религиозные представления, в частности социализация выражающих их терминов. О племенной метисации грузин, мегрелов с чанами (лазами) и сванов с неизбежным скрещением их первоначальных племенных языков свидетельствует тот факт, что тотемное божество сарматского племени (основного слоя в племенном составе грузинского народа) — Цармат стало общим для этих чистых яфетических народов, различных ветвей и различных групп, у каждого с природной для его группы огласовкой, но с заменой начального согласного сибиляптных групп (ц̌ || ч́) спирантным (f́) по образу сванского Гермет. В эту же тотемную племенную организацию входил армянский народ, сохранивший в качестве величайшей святыни священное имя того же тотема в виде «Карапет» с перенесением его на предтечу Иоанна Крестителя. Это также показатель скрещения, гибридизации яфетического племени с индоевропейским, явствующей и из двуприродного состава армянской речи. Не может не наводить на мысль о такой же гибридизации той же яфетической тотемной организации с индоевропейским племенем в греческом народе факт усвоения греками того же божества в виде Гермеса. Из тотемных божеств не один только Гермес является объединяющим эгейский мир с яфетическим Востоком и прежде всего с малой Азией и Кав-

казом. Посейдон (с основой «сейд» || «сид»), яфетическое божество металла и моря (специально понтийского моря или Понта), также вклад тотемного объединения яфетических племен с понянами, знаменующий еще более сложное этническое скрещение в греческом народе, также оправдываемое яфетическими элементами его речи. В племенном составе греков больше связи с малой Азией и Кавказом, чем с римлянами, у которых для тех же божеств, Меркурия и Нептуна, имеются другие связи, так же с тотемными яфетическими божествами. Да и самое единое божество, возглавляющее Пантеон всего культурного Средиземного моря, известное и Востоку,— Зевс—не представляет ли, вследствие своего экзотического, не индоевропейского происхождения, достаточно зрелый плод для того, чтобы первый же молодой серьезный яфетидолог сорвал его по своей компетенции (на то имеются весьма красноречивые лингвистические основания) и положил в корзину яфетического наследия?

IV

К части перечисленных вопросов, выдвинутых и уже освещаемых яфетическими языками, независимо подходили на Западе, но подходили, побуждаемые к тому или памятниками материальной культуры из до-истории Европы (и особенно Эгейского мира и Египта) или лингвистическими загадками, какими являлись: мертвый этрусский язык или живой баскский язык,—оба одинаково заброшенные в среду чуждых казалось им языков, первый в Италии, второй на пиренейских отрезках Испании и Франции. Свои сближения с кавказскими языками: армянским, грузинским, иногда и горскими, исследователи то одного, то другого из названных европейских языков производили с усердием не по разуму. К тем же языкам обращались за помощью и толкователи (Борк, Хюзинг) надписей на неопределившихся языках Месопотамии и Малой Азии. За последние годы за такой помощью обратился один из исследователей (Кюни) двухязычной арамейско-лидийской надписи в ее лидийской части. Но все работали в полном неведении сравнительной грамматики яфетических языков без представления о реальных родственных связях, определяющих взаимоотношения кавказских яфетических языков. Незнакомство или недостаточное знакомство с этим учением делало малоплодотворными усилия наиболее серьезных специалистов, знавших материально ту или иную часть чистого яфетического мира, обыкновенно грузинский язык. Подходили и к вопросу о влиянии языка первоначального населения Эгейского мира на греческую речь, но работа велась в узких пределах, ограничиваясь подбором слов из культурных выражений (termes de civilisation).

Разумеется как ни далеки изыскания западно-европейских ученых от средств и горизонтов яфетического языкознания, вскрывающего на конкретных фактах массовое отложение в греческом языке, языков первоначального населения (в пределах Эгейского мира), работы этих ученых явно свидетельствуют о самом факте существования такого до-исторического, до-эллинского языка, в восточном Средиземноморьи. На западе идею о таком творчески важном до-историческом языке (в связи с иберийским, лигурийским и живым баскским), отстаивали некоторые кельтологи и романисты с этнографическим подходом к проблеме. Обобщению таких местных фактов не могли не содействовать частичные лингвистические или археологические изыскания, обнаруживавшие более или менее убедительно связи то Пиренеев с Египтом и Кавказом (Шухардт), то Египта с Францией или Эгейского мира с Испанией, Лидии с Этрурией, Этрурии в особенностях

речи с Германией, юга России с Хетской Малой Азией и Кавказом (Фармаковский), Кавказа с Месопотамией. Эти изыскания давали материал для обнаружения общих корней с Малой Азией и Египтом, и получилась возможность воспринять мысль, кое кем формулируемую уже как научное положение, что, вообще, европейские народы взошли на иноплеменном субстрате первоначального населения всего Средиземноморья. И это независимо от яфетического языкознания. Однако, сущность яфетического языкознания не в том лишь, что оно, как новое теоретическое учение, естественно снабжает нас новыми средствами для утверждения той же тезы и ее уточнения с помощью языковых данных. За новым теоретическим учением, то ростущим и крепнущим, то, по отсутствию рабочих сил, останавливающимся в росте и изнемогающим в борьбе с заливающим его обилием поразительных доселе неведомых в их целости материалов, стоят совершенно конкретные живые фигуры яфетидов, древних, как ветхие деньми герои мировых сказок о сотворении вселенной, и молодых в перевоплощении последних племенных новообразований. Для народов европейского культурного мира они продолжают быть запасами первобытно-девственных творческих сил, находясь в племенной их консистенции в путях скрещения. И они-то, эти яфетиды, хорошо известные как бесспорно самые ранние творцы металлургических знаний, вынуждают ковать учение, совершенно новое по самой постановке. При впервые открывающихся перспективах действительной палеонтологии человеческой речи, это учение требует расчистки почвы там, где оно будет прочно строиться, если вообще найдутся условия для своевременного и прочного ее построения.

С яфетидами дело ведь не в одном языкознании, не одному языкознанию придется испытать все неудобства неизбежного коренного переустройства, может быть, лишь кажущегося внезапным и неожиданным или даже непреемлемым.

Н. Марр

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Для того, чтобы ввести читателя «Востока» в понимание вещей, творящихся в Китае и сообщаемых на страницах нашего журнала, считаем не лишним сообщить краткую историю китайской республики от ее возникновения в 1911 году до конца 1921 г., т. е. за ее первые десять бурных лет.

С этою целью мы изложим содержание главы XXX The China Year Book (за 1921—22 гг.), как наиболее отвечающей нашей цели, и дадим специально для русского читателя несколько кратких объяснений и примечаний.

Династия манджуров [1]) была ниспровергнута в результате революции, вспыхнувшей в Учане [2]) в октябре 1911 года вслед за возмущением Западного Китая против проекта национализации железных дорог, утвержденного при заключении железнодорожного Хугуанского займа. Манджурский импе-

[1]) Эта последняя династия Китая вышла из Манджурии в виде воинственного племени, неожиданно для себя очутилась в 1644 году на престоле Китая, но сейчас же окитаилась и приняла китайское имя Цин («Чистая»). От 1644 до 1911 г. она дала 10 императоров.

[2]) Старый город на р. Янцзы, против Ханькоу.